

С самых съемок первой серии другие участники шоу ворчали, что Ци Шэцзян «заманил их в ловушку». Кто-то даже писал Ся Ивэй шуточные жалобы в WeChat. Когда же стал известен его карьерный план, они поначалу сомневались, но, оценив его профессиональные навыки, поверили: у Ци Шэцзяна всё получится!

Если зрители проваливались в «яму» интереса через экран телевизора, то участники шоу, слушавшие его вживую, испытывали еще более сильное погружение и сопереживание.

В этот раз их графики совпали, и как только выдалась свободная минутка, все тут же обступили Ци Шэцзяна, требуя продолжения того самого «сериального» сяншэна.

— Я так и знал. Снова придется вас разорять, — Ци Шэцзян сложил руки в приветствии и достал из сумки синму (деревянный брусок-колотушку).

Этот инструмент подарила ему Ся Ивэй. Обычно инструменты дарит наставник, но раз у Ци Шэцзяна не было официального учителя, мать сама заказала брусок из эбенового дерева, чтобы поддержать сына. Ци Шэцзян был тронут и бережно хранил подарок.

Зрители оживились: — Ого, какая подготовка! К счастью, в этот раз я захватил мелочь!

Снова вокруг собрались жители деревни, стало шумно. У Ци Шэцзяна не было микрофона, но он ему и не требовался.

Повысив голос, он отчетливо произнес зачин: — В пустынных горах вино и печаль, под инеем луна, в душе — лишь февраль. Рассказы о духах — обычное дело, не спорьте о правде, коль сердце вскипело!

Стихи прочитаны, синму резко ударяет по столу — и толпа мгновенно затихает. Хоть это была лишь вставка в шоу, Ци Шэцзян «взял форму» — привычка артиста брала своё.

Он вкратце напомнил сюжет предыдущей части для тех, кто пропустил, и продолжил:

— Уездный судья отродясь не видал таких наглецов, как Ян Хаошань. Бездельник толкнул его так, что судья шлепнулся кверху тормашками, а Ян уселся ему прямо на пузо. Ян Хаошань ведь в выпивке и развлечениях знал толк, частенько хаживал на «кошачьи пьесы».

— Господа, в таких труппах играли молоденькие девицы, многие из которых подрабатывали в весенних борделях. Ян насмотрелся на них вдоволь — даже стихов писать не умел, а запеть мог. И вот он пустился во все тяжкие! Судья, возомнивший себя утонченным мужем, сроду не видел таких «бешеных пчел и бабочек». Увидев собственную законную супругу в таком неистовстве, он в ужасе скатился с кровати, моля о пощаде.

Тут Ци Шэцзян перешел на диалект (даокоу), имитируя жалобный голос судьи, а затем переключился на Яна Хаошаня, одержимого женским телом. Слушая, как бедный чиновник перепугался до смерти от внезапной «страсти» жены, слушатели начали тихонько посмеиваться.

— Ян Хаошань долго подавлял свою натуру, каково это — весь день строить из себя даму? И тут он вошел во вкус! Соскочил с кровати, опрокинул судью, и они сцепились на полу — точь-в-точь как черепахи, делящие арбуз: один катится, другой ползет.

— К счастью, пришло спасение. Слуга за дверью крикнул: «Беда! На казенных складах пожар, там тысячи мешков зерна!» Судья, понимая, что дело пахнет керосином, пополз к двери. А Ян

Хаошань вдогонку честит его на чем свет стоит: «Куда же ты, старая черепаха? Опять не доиграл?»

— Слуга за дверью дар речи потерял! Видит: барин выходит, лицо рукавом прикрывает, удирает без оглядки. Подумал слуга, решил проявить заботу и шепчет: «Господин, есть у меня один рецептик секретный... кто попробовал, тот знает...»

Ци Шэцзян сделал паузу, давая людям отсмеяться и одновременно изображая изумление судьи, прежде чем тот рявкнул на слугу.

С того дня Ян Хаошань словно прозрел. Решил: раз уж я здесь по воле Владыки Ада, чего мне бояться? И начал он в доме судьи бесчинствовать, как кит в океане.

В доме воцарился хаос. Судья почуял неладное и позвал гадателя-экзорциста. Но Ян сам был из бродяг и проходимцев — разве испугаешь его этими шарлатанами? Он сам их так разыграл, что те бежали без оглядки.

В конце концов судье подсказали: отвези жену в храм, а сам под предлогом дел вернись в город — хоть отдохнешь в тишине. Судья обрадовался, сострипал повод и увез Яна в загородный монастырь.

А там, в том же монастыре, жил молодой господин Чжао — сын того самого семейства, что оклеветало Яна. Он там к экзаменам готовился. Ян Хаошань, бродя по монастырю, увидел врага. Понял он: вот он, шанс от небес! Заманил он Чжао в келью.

— ...Чжао ничего не подозревает, чай попивает. Ян Хаошань же усмехнулся, встал за его спиной, вытащил из волос длинную острую шпильку и занес её над головой.

Говоря это, Ци Шэцзян перенял походку героини пекинской оперы — мелкие семенящие шаги по кругу, всё быстрее и быстрее, словно кружа за спиной Чжао. В руке он сжимал воображаемую шпильку, его лицо выражало и ярость, и пугающее беспокойство — он вжился в роль Яна Хаошаня безупречно.

— И в этот самый миг! Уездный судья, прознавший о неладном, уже подлетел к комнате и ка-а-ак вышибет дверь ногой! Еще порога не переступил, а голос уже гремит: «Средь бела дня! Вы чем это тут занимаетесь?!»

— Пах! — Ци Шэцзян ударил синму по столу, обрывая историю.

Слушатели словно очнулись от сна.

— Что? Опять?!

— Да вы издеваетесь! Нельзя же так! В следующей серии меня вообще не будет, как я дослушаю?!

Все были на грани: Ян Хаошань вот-вот прикончит врага, а судья решил, что жена ему изменяет! Самый напряженный момент, и такой обрыв!

Ци Шэцзян невинно развел руками: — Но режиссер сказал, что в этот раз можно рассказать только одну главу.

Все устали на режиссера. Тот, почувствовав неладное, попятился и скрылся в доме.

Оставшись в крайнем недовольстве, участники решили сыграть в «Правду или действие», с особым азартом издеваясь над проигравшими. Чжан Юэ не повезло: уже на втором круге ему выпало «действие».

Глядя на недобрые ухмылки друзей, он попятился: — Давайте без фанатизма!

В этот момент Чжоу Дун громко крикнул: — Предлагаю заставить старину Чжана спеть!

Чжан Юэ немного расслабился. «Настоящий бро», — подумал он.

Остальные возмутились: заставить вокалиста группы петь — какое же это наказание?

Но Чжоу Дун хитро добавил: — Старина Чжан сплет... «Зачем западный флигель» (Хэ би си сянь)!

Наступила тишина, а затем — крики и свист. Это был настоящий инсайд! Кто бы мог подумать, что суровый рокер Чжан Юэ втихаря разучивает поп-песню Ци Шэцзяна в стиле традиционных куплетов!

Голос Чжан Юэ потонул в шуме: — Я не умею!

— Ага, «не умею»! Ты даже «Зачем западный флигель» выучил? Вот это любовь-ненависть!

Гости не унимались, игнорируя любые оправдания.

Чжан Юэ: «...» Если он когда-нибудь умрет, то точно из-за подстав товарищей по группе.

Ци Шэцзян с интересом спросил: — Будете петь? Я подыграю.

Чжан Юэ, прижатый к стенке, проскрежетал зубами: — ...Я слов не помню.

Тут же кто-то сунул ему телефон: — Вот, свежезагугленный текст и ноты.

Лицо Чжан Юэ потемнело.

Ци Шэцзян, напротив, непринужденно взял сансянь, задавая ритм:

— Давайте по половинке. Я спою пару строк, а вы начнете со второго куплета.

Несмотря на мрачный вид, как только Ци Шэцзян закончил вступление, Чжан Юэ прикрыл лоб рукой и начал: — Туман в глазах, как дым седой былого, Знакомый лик, любви не нужно слова. Коль шелк лица не скроет вновь сиянье, Бессмертный в Пэнлае замрет в очарованье...

Песня состояла из мужской и женской партий.

Чжан Юэ пел за героиню, но слушатели начали подначивать: — О-о-о, эти слова так подходят Джесси... Старина Чжан, смотри на Джесси, когда поешь!

Чжан Юэ: «...» Он закатил глаза, посмотрел на Ци Шэцзяна и обнаружил, что тот ничуть не обижен, а напротив — подмигивает ему. Рокер замер, хотел отвернуться, но почему-то не смог и действительно продолжил петь, глядя на партнера.

Ци Шэцзян кивнул: начался припев. Надо признать, всего за четыре строчки стало ясно: Чжан Юэ поет гораздо лучше оригинала. Его тембр придал песне иное звучание — в мужском исполнении она стала звучать глубоко, почти интимно.

Под звуки саньсяня, которыми Ци мастерски имитировал крик дикого гуся, песня достигла апогея:

— То не сон о небе и земле, пробуждение в вечной мгле... К чему в «Западном флигеле» души тревожить зря? В мечтах о весне вновь рисую тебя...

Ци Шэцзян уже хорошо знал эти слова. Он начал подпевать вторым голосом, и они вместе вывели финал:

— Когда луна взойдет над снегом фонарей, любовь мы сохраним в мелодии своей...

В голосе Ци всё еще слышались интонации Цзыдишу, но в этой песне они пришлись как нельзя кстати, добавив исполнению Чжан Юэ благородной старины. Два стиля из разных эпох не конфликтовали, а сплетались в одно целое.

Шумная компания затихла. Когда замер последний звук, воцарилась тишина.

— ...Боже, как это было красиво, — прошептала одна из участниц. — Чжан Юэ спел это так романтично. Раньше песня казалась просто традиционной поделкой, а сейчас — будто баллада столетней давности.

— Ну что, наш вокалист еще ого-го? И Джесси отлично подстроился, — Чжоу Дун подмигнул. — Даже заклятому врагу смог подпеть с таким чувством!

Все взорвались хохотом: — Ха-ха-ха-ха-ха!!

Чжан Юэ: «...» Посмотрев в сторону, он увидел, что Ци Шэцзян тоже выглядит немного растерянным. Они переглянулись — в этом взгляде было всё, что не требовало слов.

В перерывах между съемками Чжан Юэ помогал Ци Шэцзяну редактировать тексты Цзыдишу. Помощь рокера была неоценима. Когда съемки закончились, Ци пригласил Чжан Юэ к себе, чтобы продолжить работу. Текстов было слишком много, и Ци чувствовал, что в одиночку не справляется.

Чжан Юэ согласился. Когда Ци Шэцзян завел разговор об оплате, рокер оскорбился:

— Ты хоть знаешь, сколько стоят мои услуги? Не думай, что только твоя семья умеет делать деньги.

Ци ответил: — Эй, мне же нужно сначала согласовать цену.

Чжан Юэ: «...» Фраза звучала нормально, но почему она казалась двусмысленной? Неужели он сам стал таким испорченным?

Ци Шэцзян добавил: — Нельзя же без обсуждения цены ложиться... нет, петь. Он специально допустил эту оговорку («лечь» вместо «спеть»), мгновенно разыграв словесную шутку.

Чжан Юэ: «.....» Я так и знал!

У Ци Шэцзяна это было профессиональной деформацией — как только на язык просилась шутка, он не мог её сдержать.

Раздраженный Чжан Юэ бросил трубку, надел маску и поехал на такси к апартаментам Ци Шэцзяна.

— Вот входные билеты, держи четыре штуки. Посмотри, захотят ли Се Цин и остальные прийти, — Ци сразу протянул ему пригласительные на свое выступление.

Чжан Юэ пробурчал: — Посмотрю по графику.

Ци Шэцзян рассмеялся. Он уже понял: Чжан Юэ из тех, кто говорит «нет», но делает «да». Они проработали три-четыре часа: один с сансынем, другой с телефоном.

Ци отложил инструмент: — Давай отдохнем.

Чжан Юэ за это время наконец понял разницу между Цзыдишу и Дагу. Ему стало любопытно: — Где ты этому научился?

Ци Шэцзян опустил взгляд: — В очень далеком месте. У одного старика. Когда я выучил это, я и не знал, что здесь это уже никто не слушает.

У Чжан Юэ защемило сердце. Под «далеким местом» он представил за границу — видимо, там жил какой-то мастер, оторванный от китайских реалий, который верил, что это искусство еще кому-то нужно... Наверное, старик с гордостью передавал знания Ци, а тот, вернувшись в Китай, обнаружил, что его искусство почти вымерло. Чжан Юэ занимался поп-музыкой, но он уважал такую преданность делу.

Он тихо сказал: — Если будут вопросы — звони мне.

Ци снова улыбнулся: — Тогда точно пора обсудить цену.

Чжан Юэ вытащил купюру и шлепнул её на стол: — На, подавись.

Получалось, что платит тут он сам!

Но он забыл, что переспорить Ци Шэцзяна невозможно. Тот взял деньги и бросил:

— Впервые вижу, чтобы клиент сам доплачивал. Видимо, вам по душе красота, а не золото. (Отсылка к поговорке о том, что мадам в борделе любит деньги, а девицы — красавцев).

Чжан Юэ: «.....» Он выхватил деньги обратно.

Ци рассмеялся, решив, что всё-таки попросит Ли Цина официально обсудить условия сотрудничества — Чжан Юэ поступал по-мужски, и Ци не хотел оставаться в долгу.

К тому времени, как они закончили, наступила ночь. Выходя из жилого комплекса, Чжан Юэ почувствовал неладное. Профессиональное чутье подсказало: его сняли папарацци. Чтобы запутать следы, он поехал домой на метро. Сменив пару веток на оживленных станциях, он легко оторвался от хвоста.

Вернувшись домой, Чжан Юэ открыл Weibo и увидел шквал уведомлений. Большинство

ссылалось на один пост.

[Xigua Entertainment]: Инсайд от пользователей: Чжан Юэ зашел в дом к Джесси и провел там несколько часов!

Прилагались фото: Чжан Юэ заходит в здание и старые фото Ци Шэцзяна в том же месте для сравнения.

«Боже... — подумал Чжан Юэ. — Как двусмысленно они это подали. О чем теперь люди подумают!» Он открыл комментарии.

□Что за желтушная новость! Чжан Юэ — и в гостях у Джесси?□

□Прошло столько лет, а вы всё еще сомневаетесь в скверном характере Чжан Юэ?□

□Чжан Юэ в гостях у Джесси? Скорее солнце взойдет на западе. Я глазам своим не верю, если на фото он — ешьте меня вместо арбуза.□

□Фанаты вокалиста «Гуаньшань» — лучшие, даже комментарии пишут в рифму.□

Чжан Юэ: «...»

Нельзя винить людей, ведь на публике они с Ци — вода и пламень. К тому же вышла первая серия «Жизни в садах и полях». Монтажеры постарались: Чжан Юэ игнорирует Ци, Ци подкалывает Чжан Юэ. Даже момент, когда рокер утром заглядывает в комнату Ци, смонтировали так, будто он недоволен шумом. И вот такие люди спят в одной комнате — зрители были в восторге от «злодейского» гения режиссера!

Несмотря на все сплетни, Чжан Юэ всё-таки отправился на концерт сяншэна. Он пошел один, без группы. У входа он покупал напиток, и кто-то его сфотографировал.

«Мне кажется, я видела Чжан Юэ?» — написала девушка в сети. На фото Чжан Юэ был в маске, но глаза и лоб были узнаваемы.

Однако все комментаторы высмеяли автора: — Девочка, проснись. Ты на концерте сяншэна, где выступает Ци Шэцзян. Скорее ты увидишь привидение, чем Чжан Юэ здесь!

В итоге даже автор фото усомнилась: — Ладно-ладно, померещилось.

Лишь спустя время, глядя на эти неопровержимые улики, фанаты будут вздыхать: «О чем мы думали? Всё же было прямо перед носом!»

Выступление Ци Шэцзяна проходило в рамках сольного концерта Чжоу Сыхэ — соученика Мэн Цзинъюаня. Ци должен был «заполнять паузы» (дяньчан), давая мастеру отдохнуть. Это было серьезное испытание: люди покупали билеты на Чжоу Сыхэ. Если гость плох — зрители просто утыкаются в телефоны.

Чжоу Сыхэ был мэтром. Он с детства в жанре, владеет не только сяншэном, но и оперой, куплетами. Выступить перед его искушенной публикой — это «хард-мод».

□Ци Шэцзян смелый парень. Решил идти до конца. Но публика Чжоу Сыхэ — это старые волки, их одной внешностью не возьмешь.□

□Это сложнее, чем на ТВ. Если он облажается, его просто засвищут.□

Внутренние круги сяньшэна продолжали спорить, достаточно ли у Ци мастерства, чтобы покорить живой зал. В итоге все оставшиеся билеты были раскуплены — всем было интересно. Один видеопортал даже организовал прямую трансляцию.

Ци Шэцзян готовился очень серьезно. Не ради критиков, а из уважения к Мэну и Чжоу. Он заранее репетировал с Лю Цинем — лучшим учеником Чжоу Сыхэ.

Когда Чжоу впервые услышал их прогон, он отреагировал так же, как Мэн. «Стабильно. Слишком стабильно». Ци Шэцзян в своем возрасте держался на сцене лучше, чем многие ветераны. Даже Чжоу Сыхэ в его годы допускал лишние движения (так называемое «топтание лотосов»), а Ци стоял как скала. Его манера напоминала старых мастеров.

В день выступления Ци и Лю Цин прибыли за несколько часов.

— Я посмотрел, там люди с портала настраивают камеры. Честно, я впервые буду на стриме выступать, — Лю Цин нервно потирал руки.

— Всё будет хорошо, просто делай свою работу, — успокаивал его Ци Шэцзян.

Ци не боялся толпы. В детстве он выступал перед многотысячными толпами на ярмарках.

— Если честно, ты не такой, как я думал, — признался Лю Цин. — На видео ты казался заносчивым красавчиком, а в жизни так заботишься о партнере.

Ци лишь улыбнулся. Он вспомнил свое прошлое... Военные годы, кочевой театр отца. Артисты были никем. Их заставляли выступать перед генералами-варварами. Однажды он уехал аккомпанировать в другой город, а когда вернулся после налета — его труппы не было. Он годами искал их, пока не узнал: артистов, пытавшихся бежать, закопали живьем...

— Джесси? Джесси? — Лю Цин потряс его за плечо. — Тебе пора выходить.

Ци встряхнулся, надел халат-дагуа и шагнул за кулисы.

— Просим любить и жаловать: сяньшэн «Критика пекинской оперы». Исполняют Ци Шэцзян и Лю Цин!

В зале раздались аплодисменты.

Поклонники Чжоу Сыхэ хлопали из вежливости, перешептываясь: — Тот самый айдол?

— Решил оперу критиковать? Посмотрим, как у него с вокалом...

— Если будет скучно, вздремну.

Фанатки Ци Шэцзяна же хлопали так, что ладони болели. В это время в чате трансляции

летели сообщения:

□Смотрите! У Джесси новый халат!!□

□Огонь, он точно попадет в тренды!□

Чжан Юэ сидел в середине зала, скрываясь под маской.

Сзади него две фанатки шептались: — Это новый напарник Джесси? Не учитель Мэн? Как думаешь, он станет его «основной женой» на сцене?

— Посмотрим, может, потянет только на «благородную наложницу».

Чжан Юэ: «...Твою мать, что за фанаты такие!»

— Добрый вечер. Разрешите представиться: я артист сяншэна Ци Шэцзян, а это мой коллега Лю Цин, — Ци заговорил, и его голос сразу приковал внимание.

Он использовал прием «привлечения взгляда» без лишних жестов — просто за счет природной харизмы.

Лю Цин подыграл: — Я вас знаю! Вы же звезда шоу «Жизнь в садах и полях»!

Ци махнул рукой: — Ой, не вспоминайте. Ушел я оттуда. Там людей обижают!

Зал оживился: жареные факты?

— Продюсеры поселили меня с Чжан Юэ из группы «Гуаньшань». А мы с ним, знаете ли, характерами не сошлись!

Опять шутки про Чжан Юэ!

Зрители в чате: □Начинать смеяться сейчас или подождать?□

— Начнем с того, что он «собачник», а я «кошатник», — продолжал Ци. — Он любит китайских дворняг, а я — породистых кошек. У меня живет чистокровный длинношерстный американский короткошерстный кот...

Лю Цин: — Погодите! Плевать на породу, но вы понимаете, что «американский короткошерстный» не может быть длинношерстным?

Ци невозмутимо: — А о генетических мутациях вы не слышали?

Лю Цин: — ...Ладно.

— Так вот, у меня длинношерстный «короткошерстный», а у него — деревенская акита-ину...

— Стойте! — Лю Цин рассмеялся. — Акита — это не название деревни, и это не китайская собака!

Ци: — Да неужели?

Зал смеялся. Ци Шэцзян продолжал сыпать шутками про привычки Чжан Юэ, поминая его имя через каждое слово.

Чжан Юэ в зале закрыл лицо руками. «Зачем, ну зачем я пришел?!» — билось у него в голове.

Но атмосфера в зале разогрелась добела.

— А самое главное, — Ци стал серьезнее, — у Чжан Юэ проблемы с художественным вкусом. Надо бы его покритиковать.

Знатоки поняли: это переход к основной части номера (пьяоба).

— Посмотрите на текст его песни «Осенние воды». Это же бессмыслица! — заявил Ци.

Он взял микрофон. Те, кто знал манеру Чжан Юэ, ахнули: всего одним движением Ци полностью скопировал позу рокера на сцене — так же полуобхватив стойку микрофона.

Он запел «Осенние воды». Когда он взял первую ноту, зал взорвался аплодисментами. Он не просто пел — он идеально копировал тембр и технику Чжан Юэ. Даже сам Чжан Юэ смотрел на него с открытым ртом.

— Сначала поется про зеленые горы и листья платана, — разбирал Ци текст. — А в следующей строчке: «Земля мертва, не растет даже трава». Как же так? Только что были горы и платаны, и вдруг пустыня? Это были не зеленые горы, а лысые скалы?

Лю Цин: — Ну, в попсе это ради рифмы. Хочешь логики — слушай другое.

Ци: — Не могу, я во всем ищу смысл. Вот слушал я недавно классику, пекинскую оперу... и там тоже противоречия!

Всё, они вошли в основной сюжет.

— В опере? — удивился Лю Цин. — В чем же там противоречие?

— Великий мастер Мо Гань поет в «Четвертом сыне, навещающем мать». Выходит герой и поет вступление...

Мо Гань — легенда оперы, его знают все.

— И как же он поет? — спросил Лю Цин.

Ци Шэцзян слегка качнул головой и запел глубоким, мощным голосом: — Золотой колодец заперт под платаном, ветер стоны гонит ввысь туманом...

Не успело затихнуть эхо последнего слога, как старые театралы в зале, ценители вокала, вскочили с мест, выкрикивая: — ХАО!! (БРАВО!!)

Это было невероятно. Ци Шэцзян не просто подражал — он поймал ту самую уникальную манеру Мо Ганя: мощный низ и звонкий, чистый верх. Сходство было абсолютным. В этот момент все сомнения в его «базе» рассыпались в прах.